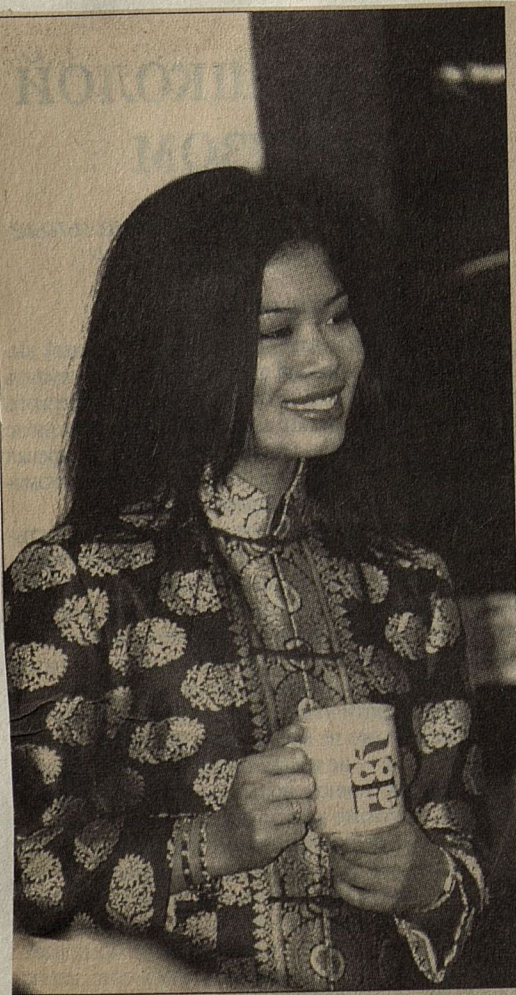

Она родилась в один день с Паганини и тоже собирается стать легендой

Буря в пустыне

Русский телеграф. — 1998. — 6 мая. — с. 9
Ванесса Мэй в Кремле отплясывала канкан

После этого попробуй скажи, что новая лондонская звезда Ванесса Мэй Ванакорн Николсон (на сцене — уменьшительно Ванесса Мэй) не использует свой имидж веселой лолиточки-девочки. Она наивна и сексуальна, она задорно и грамотно помахивает бедрами и бегаёт через сцену, словно по школьному стадиону.

Редкий случай — в Москву привезли абсолютно сегодняшнюю звезду. Даже не имеющую заслуг в далеком прошлом. И гастроль прошла успешно. Слово «классика» действует на широкую публику магически. И если вдруг она, не дай Бог, становится всем понятна — успеха не миновать. В чем секрет Ванессы Мэй? В том, что у нее нет секретов. Какие могут быть секреты у ребенка в ситуации «стишок на стульчике»?! Помню свой детсадовский кайф, когда монструозная музработница по имени Муза Николаевна отобрала несколько талантливых детишек петь не во поле-березку, а загадочное и заветное — «Листья желтые над городом кружатся». Это был

лучший утренник детского сада. Вероятно, впечатления пап и мам от нашего выступления схожи с моими впечатлениями от кремлевского шоу Ванессы Мэй. Это так трогательно, когда кроха копирует взрослые жесты и обожает взрослую музыку.

В ее имидже просвечивает трудная судьба и чудо преображения: была китайская девочка — стала европейская звездочка. На деле — ничего такого. Умная мама вывезла дочку из Сингапура (а во все не из Вьетнама какого-нибудь), когда той было три года. Теперь Ванесса — типичная лондонская тинка. Совершенно бесполезно приставать к ней с расспросами, есть ли у нее любимые композиторы или поп-исполнители. Она любит все — мороженое крем-брюле и побег молодого бамбука, Паганини и Брамса, персонажей из клана Джеконов и Сантану, Нью-Йорк, Москву, Гонконг и Лондон, заниматься на скрипке и погулять, фанк и вальс, диско и ноктюрны.

Этот здоровый тинейджерский бульон в ее голове грамотный менеджмент выдает за кросскульту-

ральную, мультистилистическую эстетику проекта. Непонятливым Ванесса объясняет: «Я люблю и поп, и классику». Ясное дело. Она на все говорит «enjoy!» «Инджой-инджой-инджой» пузырится и чавкает у нее во рту, как сладкая (с ксилитом) фруктовая жвачка (так же забавно и полезно, как эта ваша классика).

В Москве Ванесса Мэй сперва для верности припала к памятнику Чайковскому, напомнив местных брачующихся, начинающих с огня и неизвестного солдата. Но здесь, конечно же, другой случай. Там — неизвестно кто и неизвестно кому (зачем, понятно — ритуалы). Тут звезда с звездой говорит. О своем, о девичьем. Может, о любви к Майклу Джексону, квартетам Чайковского или про свои ориентальные корни и про то, что пока еще нет бойфренда. В целом — чтоб задобрить местного Перуна.

Легендарный конкурс Чайковского ее мало интересует. Во-первых, она уже имеет ангажементы, во-вторых, количество азиатских обожателей европейской классики, большинство которых играет

ее ровно так же, как наша девочка (чисто, мягко, весело и безмозгло), на конкурсе и без нее выходит за рамки всяческой статистики.

Заговор действовал: зал КДС был полон (нонсенс — спрашивали лишние билеты), и публика уже без пятнадцати семь уселась на свои места. Сидеть перед пустой сценой пришлось ровно час. Перед заполненной музыкантами — еще два. Из них минут сорок Ванесса Мэй играла, двадцать — настраивала свои скрипки (1761 года по прозвищу «Гизмо» и электрическую «Зета») и час тарыхтела по-английски без умолку. Большая часть публики ни слова не понимала, но добрую объяснялочью интонацию чувствовала. Лучшее шоу — когда она объясняет, какая красивая музыка эти крейслеровские миниатюры Liebeslied и Schoen Rosmarin, какая это замечательная поп-музыка. Когда играет — уже не так интересно. Не имея ничего против обработок классики, исполнения необработанной классики на поп-сцене и покачивания бедрами под Вариации Паганини (куда без него), я ждала от этого шоу лучшего качества. Простецкие аранжировки в живом виде совсем скучны, звук кашеобразный, мизансцены незатейливы. В шоу чересчур много фонограммы и слишком мало динамики, чтобы высидеть два часа (при всем декларируемом модном разнообразии

стилей). Она отыграла все свои девичьи хиты — «Токкату и фугу» (по мотивам Баха), «Bach Street Prelude» (шедевр ванессино аранжировщика Алана Хилла, больше известного по работе с Селин Дион), задумчивую «Harry Valley» (с ней Ванесса стала единственной китайкой, выступавшей на церемонии воссоединения Китая с Гонконгом) и, понятно, «I Feel Love» Доны Саммер. Здесь она поет — тоненько и ласково. Когда же, объявив последнюю композицию, она запилила энергичную «Бурю» (адаптированный перевод Вивальди и, судя по клипу, — песня молодежного протеста), я испугалась за бисы. Их-то и не осталось. Но Ванесса повторила на бис забористый канкан, а танцовщики в футбольной форме бегали по залу, предлагая пританцовывать. Пафос был — делаем что хотим. Хотим — Чайковского играем, Паганини и Крейсера, хотим — Дону Саммер. В этом и состоит наша редкостная свобода, наша подрывная деятельность в отношении штампов. Переиграть все штампы мира — видимо, и значит их победить. «Если бы я не была музыкантом, я стала бы ветеринаром. Очень люблю животных». О шлягерах всех континентов и эпох Ванесса Мэй заботится, как о четырех своих собачках.

Юлия БЕДЕРОВА